

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
Российской академии наук

В. В. Седов

ДРЕВНЕРУССКАЯ НАРОДНОСТЬ

Историко-археологическое исследование

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
Москва 1999

ББК 63.3(2)43
С 28

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 99-01-16132

Седов В. В.

С 28 Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 320 с., ил.

ISBN 5-7859-0086-6

В X–XIII вв. славянское население Восточной Европы составляло единую этноязыковую общность – древнерусскую народность. На основе современных историко-археологических данных в книге исследуются процессы становления и развития этого этноса. Анализируется сложная картина освоения славянами Восточно-Европейской равнины в начале средневековья и интеграционные явления, приведшие к единению разных племенных образований в единую общность. Выясняется, что исторические земли, на которые членилась территория Древней Руси, были наследием прежней племенной дифференциации славянства. Историческая ситуация, сложившаяся в Восточной Европе во второй половине XIII – XIV в., прервала интеграционные процессы, что привело в конечном результате к формированию русского, украинского и белорусского народов.

ББК 63.3(2)43

Except the Publishing House (fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153), E-mail: lrc@koshelev.msk.su), only the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia. Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

© В. В. Седов, 1999

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ДРЕВНЕРУССКОЙ НАРОДНОСТИ	9
СЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРНО-ПЛЕМЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ЮЖНЫХ РЕГИОНАХ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ РАВНИНЫ НАКАНУНЕ СТАНОВЛЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ НАРОДНОСТИ	25
Анты	27
Дулебы	41
Русы	50
ОСВОЕНИЕ СЛАВЯНАМИ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ РАВНИНЫ	91
Расселение средневропейского населения	91
Культура псковских длинных курганов	117
Тушемлинская культура	128
Формирование смоленско-полоцких кривичей	140
Первые славяне в Ростово-Суздальской земле	145
Словене ильменские	158
СТАНОВЛЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ НАРОДНОСТИ	180
Историко-лингвистические свидетельства о восточнославянской этноязыковой общности	180
Миграция славян из Дунайского региона	183
Формирование древнерусского дружинного сословия	204
Древнерусские города, государственность и христианство как факторы консолидации славянского населения Восточно-Европейской равнины	214
Об этническом самосознании восточнославянской общности	219
ДИАЛЕКТНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ ОБЩНОСТИ	230
Исторические земли Древней Руси и восточнославянские племенные образования	230
О диалектном членении древнерусского языка	253
ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ НАРОДНОСТИ	280
УКАЗАТЕЛИ	291
Именной указатель	291
Указатель географических названий	299
Указатель этнических имен и археологических культур	313
Список сокращений	317

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исследование ставит своей целью осветить предысторию, процессы становления, развития и диалектного членения древнерусской народности. До сих пор археологические материалы не привлекались для целостного решения этой проблематики. К вопросам истории и диалектологии древнерусского языка многократно обращались лингвисты, в результате чего собственно языковые вопросы оказались более разработанными по сравнению с историческими. Со стороны историков попытки осветить суть древнерусской народности были менее продуктивными, поскольку историческая наука не располагает достаточной источниковой базой в решении этногенетических тем. Использование данных археологии в изучении истоков и эволюции древнерусского этноса с учетом всех результатов, полученных до сих пор другими науками, представляется весьма перспективным. В этом цель предлагаемой работы.

Собранные многими поколениями исследователей археологические материалы ныне составили огромный источниковый фонд, который все шире и шире используется для изучения сложных исторических процессов, имевших место в Восточной Европе в древности и средневековье. На основе данных археологии уже получены важные результаты по ряду исторических и этнокультурных тем, которые не могли быть разрешены на основе дошедшей до нас информации исторических источников. Думается, что наступило время самого широкого использования материалов археологии и в исследованиях сложной проблемы становления древнерусской народности, выявления ее содержания и условий дифференциации.

Книгу открывает историографический раздел, в котором излагается процесс развития знаний об этом средневековом этносе. Исследовательскую часть составляют несколько разделов. Для познания исторического периода, предшествующего формированию древнерусской народности, необходимо было самым детальным образом осветить ее предысторию. Выясняется, что процесс освоения славянами Восточно-Европейской равнины был весьма сложным и многоактным. Колонизация осуществлялась с разных сторон и различными этнографическими праславянскими группами. Неоднородность славянского населения Восточной Европы усугублялась еще и тем, что в разных местностях славяне застали разноэтничных аборигенов (различные финноязычные племена в лесной полосе, неоднородное балтское население в Верхнем Поднепровье и смежных землях, ираноязычные и тюркские племена на Юге). Накануне формирования древнерусской народности на Восточно-Европейской равнине археологически фиксируется несколько крупных этноплемен-

ных групп славянского этноса, часть которых была представлена диалектными образованиями позднепраславянской поры. Эти группы в ряде случаев несоотносимы с летописными племенами.

По археологическим материалам выявляются мощные интеграционные явления, имевшие место на Восточно-Европейской равнине в последних веках I тыс. н. э., которые консолидировали разноплеменное славянство, привели к его единению в культурном отношении, а в конечном итоге к становлению этноязыковой общности — древнерусской народности. Исследованию этих интеграционных явлений, среди которых впервые обнаруживаемая на основе данных археологии широкая инфильтрация дунайских славян в восточноевропейские земли, посвящен самостоятельный раздел.

Неоднородный этноплеменной состав древнерусской народности сказался в ее диалектной структуре, реконструируемой на основе археологических материалов, и в дроблении ее территории на исторические земли, ставшие в период феодальной раздробленности Руси отдельными политическими образованиями. Однако в этой ситуации восточнославянская этноязыковая общность продолжала еще некоторое время свое единое развитие как в культурном, так и этническом отношениях.

Только татаро-монгольское иго и включение значительных частей восточнославянских территорий в состав Литовского государства разорвали единство древнерусской народности. Начался постепенный процесс формирования русского, украинского и белорусского этносов.

Такова вкратце суть предлагаемого исследования.

В стремлении нарисовать целостную картину этнической истории славянского населения Восточной Европы автору пришлось разработать целый ряд тем, до сих пор не получивших должного освещения в научной литературе. Так, в работе устанавливается, что в северной части восточнославянского ареала славянское население появилось не накануне образования Древнерусского государства, как это представлялось недавно, а еще в период Великого переселения народов. По-новому освещена и проблема русов — одного из образований праславянской поры.

Автор отчетливо осознает дискуссионность некоторых построений и положений своей работы, полагая, что они неизбежны в любом исследовании, освещающем исторический процесс отдаленного прошлого.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ДРЕВНЕРУССКОЙ НАРОДНОСТИ

Эта проблема привлекла внимание исследователей уже в первой половине XIX в. На раннем этапе она рассматривалась преимущественно на лингвистических материалах, что вполне понятно, поскольку язык является важнейшим маркером любого этнического образования. Среди русских ученых первым рассматриваемую тему попытался осветить А. Х. Востоков. Выявив некоторые отличительные особенности древнерусских говоров, исследователь утверждал, что древнерусский язык выделился из общеславянского. Он датировал возникновение различий между отдельными славянскими языками XII—XIII вв., считая, что во времена Кирилла и Мефодия все славяне еще сравнительно легко понимали друг друга, то есть пользовались общеславянским языком¹.

Несколько конкретнее этот вопрос исследовался И. И. Срезневским, считавшим, что общеславянский (праславянский) язык первоначально разделился на две ветви — западную и юго-восточную, а последняя через какое-то время дифференцировалась на древнерусский и южнославянские языки. Начало древнерусского языка исследователь относил к IX—X вв. В этот период он был еще монолитным. Диалектные особенности в древнерусском языке, согласно изысканиям И. И. Срезневского, появляются в XI—XIV вв., а в XV в. на его основе формируются великорусское (с членением на северновеликорусскую и южновеликорусскую группы, последняя с белорусским поднаречием) и малорусское (украинское) наречия².

Разделение древнерусского языка на великорусское и малорусское наречия П. А. Лавровский объяснял исторической ситуацией — образованием во времена Андрея Боголюбского независимого от Киева государства в Северо-Восточной Руси. Этим лингвистом впервые была высказана мысль о раннем, еще до появления на Руси письменности³, становлении древненовгородского диалекта, которая, впрочем, не встретила поддержки среди ученых XIX в.

Во второй половине прошлого столетия в языковедческой литературе традиция выводить древнерусский язык из праславянского укоренилась окончательно. Лишь отдельные ученые спорадически придерживались иного мнения. Так, историк М. П. Погодин высказывал мысль о том, что Киевская земля первоначально была «исконно великорусской», а Галицкая Русь — «малорусской». Татаро-монгольское нашествие значительно опустошило Киевскую область, после чего она была занята переселенцами из Галиции и таким образом стала малорусской⁴. Иного мнения придерживался М. А. Максимович, считавший, что население Киевской Руси было украинским. По представлениям этого ис-

следователя, украинский этнос сохранялся в южных землях Руси и в последующее время, вплоть до современности. Никакого запустения территории современной Украины ни в татаро-монгольский период, ни когда-либо еще не было⁵.

Из историко-диалектологических исследований древнерусской этноязыковой общности этого периода наибольшее значение имеют работы А. И. Соболевского⁶. На основе анализа древнерусских письменных памятников XI—XIV вв. этот исследователь выделил и охарактеризовал внутри древнерусского языка особенности новгородского, псковского, смоленско-полоцкого, киевского и волынско-галицкого диалектов. Он считал, что диалектное членение древнерусского языка соответствовало племенному делению восточного славянства предшествующей поры.

Первое серьезное историко-лингвистическое осмысление начала восточнославянской этноязыковой общности, процесса становления, развития, диалектного строения и распада древнерусского языка принадлежит А. А. Шахматову⁷. На протяжении своей плодотворной деятельности этот ученый несколько изменял и совершенствовал свои взгляды на эту проблематику. Ограничусь здесь кратким изложением сути построений, к которым А. А. Шахматов пришел в последние периоды своего научного творчества.

Первый этап зарождения русских (так исследователь именовал восточных славян), выделившихся из юго-восточной ветви праславянства, А. А. Шахматов датировал V—VI вв. «Первой прародиной» формирующегося восточнославянского этноса были земли в междуречье нижних течений Прута и Днестра. Это были анты, упоминаемые в исторических источниках VI—VII вв. и ставшие ядром восточного славянства. В VI в., спасаясь от аваров, значительная часть антов переселилась на Волынь и в Среднее Поднепровье. Этот регион А. А. Шахматов называл «колыбелью русского племени», поскольку восточные славяне здесь составили «одно этнографическое целое». В IX—X вв. из этого ареала началось широкое расселение восточнославянского этноса, которым были освоены широкие пространства от Черного моря до Ильмена и от Карпат до Дона.

Период от IX—X до XIII в., по А. А. Шахматову, был следующим этапом в истории восточного славянства, который именуется им древнерусским. В результате расселения восточные славяне в это время дифференцировались на три больших наречия — севернорусское, восточнорусское (или среднерусское) и южнорусское. Севернорусы — та часть восточных славян, которая продвинулась в верховья Днепра и Западной Двины, в бассейны Ильменского и Чудского озер, а также заселила междуречье Волги и Оки. В итоге здесь сформировался политический союз, доминирующее положение в котором занимали кривичи и в который были втянуты финноязычные племена — меря, весь, чудь и мурома. Восточнее Днепра и в бассейне Дона образовалось восточнорусское наре-

чие, в котором первоначально развилось аканье. Лингвистической основой реконструкции южнорусского наречия стал украинский язык и его говоры, в связи с чем к южнорусам А. А. Шахматовым относились воляныяне, дулебы, поляне, древляне, тиверцы и уличи. Точка зрения исследователя в отношении хорватов не была твердой — они то причислялись к южнорусам, то исключались из среды восточнославянских племен.

Широкое расселение восточных славян на Восточно-Европейской равнине и членение их на три группы не нарушили их единого языкового развития. Определяющую роль в едином развитии древнерусского языка, как полагал А. А. Шахматов, сыграло Киевское государство. С его возникновением складывается «общерусская жизнь», развивается процесс общерусской языковой интеграции. Ведущая роль Киева определяла единые общерусские языковые процессы на всей территории Древней Руси.

В XIII в. древнерусская языковая общность распадается. В последующие столетия на основе севернорусского, восточнорусского и южнорусского наречий древнерусского языка и в результате их взаимодействия формируются отдельные восточнославянские языки — русский, украинский и белорусский.

Концепция А. А. Шахматова была значительным стимулом в дальнейшем изучении древнерусского языка и народности. Она была принята рядом крупных лингвистов того времени, в том числе Д. Н. Ушаковым, Е. Ф. Будде, Б. М. Ляпуновым⁸. В течение длительного времени построения А. А. Шахматова были широко распространены среди русских ученых, а в некоторой своей части не потеряли значимости и поныне.

Сербский лингвист Д. П. Джурович, предпринявший интересную попытку реконструкции диалектного членения праславянского языка, полагал, что в его составе был и прарусский диалект, который стал основой древнерусского языка, и локализовал его в правобережной части Среднего Поднепровья, вплоть до бассейна верхнего течения Буга включительно⁹.

Несомненный интерес представляют изыскания в области происхождения восточнославянского языка польского слависта Т. Лер-Сплавиньского. Он утверждал, что положение о прарусском (древнерусском) языковом единстве, образовавшемся при членении праславянской общности, принадлежит к бесспорным. Исследователь дал обстоятельную характеристику «прарусскому языку», описав особенности, свойственные только этому языку и чуждые другим славянским языкам. До конца XI в. этот язык членился не на три, как считал А. А. Шахматов, а только на две диалектные группы: северную и более обширную южную, каждая из которых имела свои характерные фонетические черты. Это деление, по мнению Т. Лер-Сплавиньского, соответствовало двум культурно-политическим центрам Древней Руси — Киеву и Новгороду. Киев объединял южные племена восточного славянства: полян, древлян, севе-

рян, радимичей, вятичей и, вероятно, других. Новгороду принадлежали земли словен ильменских и кривичей.

Время дифференциации древнерусского языка на северную и южную ветви, как считает Т. Лер-Сплавинский, по языковым данным определить не удается. После XI в., в период политической раздробленности Руси, начинается процесс постепенной трансформации этих диалектных групп в три восточнославянских языка. Таким образом, в XIII—XIV вв. возникают русский, белорусский и украинский языки. Русский язык складывается на базе консолидации севернорусской группы с частью южнорусской. Украинский язык формировался целиком из южнорусской группы, а белорусский эволюционировал из северо-западной ее части¹⁰.

Построения Т. Лер-Сплавинского не получили широкого распространения в лингвистике и были приняты лишь единичными ее представителями.

По-иному попытался подойти к освещению рассматриваемой проблематики известный лингвист Н. С. Трубецкой. Вопрос о существовании древнерусского (общевосточнославянского) языка, по его мнению, следует считать твердо установленным. Исследователь, как и многие его предшественники, утверждал, что языковое развитие шло от праславянского к общевосточнославянскому и далее в результате распада последнего образовались три самостоятельных восточнославянских языка. Вслед за Т. Лер-Сплавинским Н. С. Трубецкой пытался обосновать первоначальное деление общерусского языка на две диалектные группы, южную и северную, которые заметно различались по основным фонетическим особенностям. Он допускал существование такого членения еще в дописьменный период. В то время как южная часть восточного славянства, утверждал ученый, развивалась в контакте с южными и западными славянами, северная группа резко обособилась. Звуковые изменения, проникавшие со славянского юга и запада, не достигали севера восточного славянства. Здесь развитие шло в контактном взаимодействии с неславянскими племенами Балтийского региона. Это реализовалось позднее в существовании в Древней Руси двух культурных центров: Киева и Новгорода. Таким образом, оказывалось, что зарождение элементов севернорусского и южнорусского наречий старше оформления древнерусского языка.

Н. С. Трубецкой не определял время становления общерусского языка, но предполагал, что его двучленная структура сохранялась до 60-х годов XII в., когда начался процесс падения редуцированных, датируемый исследователем 1164—1282 гг. После 1282 г. древнерусский язык перестал существовать — основные фонетические изменения теперь развивались локально, не охватывая восточнославянский мир в целом¹¹.

Изыскания Н. С. Трубецкого о давней двучленной структуре восточнославянского языка вызвали бурную дискуссию. Резкой критике они

подверглись со стороны А. М. Селищева. Против возражений А. М. Селищева активно выступил Н. Н. Дурново¹².

Во многих лингвистических работах первой половины XX в. исследовались (без этноисторических экскурсов) характерные особенности древнерусского (восточнославянского) языка и его диалектов, которые не оставляли сомнений в существовании в период Киевской Руси единой этноязыковой общности. Вместе с тем, изыскания показывали, что древнерусский язык стал общей основой русского, украинского и белорусского языков. В этой связи можно упомянуть труд Н. Н. Дурново по истории русского языка. Исследователь подчеркивал, что фонетические и морфологические основы дописьменного прарусского языка прямо были унаследованы от общеславянского¹³.

Между тем в первые десятилетия XX в. были высказаны и иные мнения, отрицавшие общность восточного славянства. Так, историк М. С. Грушевский зарождение украинского этноса относил к приднепровскому союзу племен антов, известных византийским авторам VI в.¹⁴. Некоторые лингвисты пытались отрицать существование единого древнерусского языка. Так, австрийские слависты С. Смаль-Стоцкий и Т. Гартер, определяя родство языков только по количеству групп сходных черт, считали, что украинский язык имеет сходство с сербским в десяти группах, а с великорусским только в девяти. Следовательно, заключали они, украинцы имели некогда гораздо более тесное общение с сербами, чем с великорусами, и между великорусами и украинцами нет более близкого родства, чем с другими славянскими этносами. В итоге исследователи утверждали, что никакого общерусского языка не было, а украинский язык восходит непосредственно к праславянскому¹⁵. Аналогичного мнения придерживался также Е. К. Тимченко¹⁶. Построения и выводы С. Смаль-Стоцкого встретили единодушное невосприятие и суровую критику со стороны лингвистов¹⁷.

В 20-х годах XX в. В. Ю. Ластовский и А. Шлюбский проповедовали так называемую «кривичскую» теорию происхождения белорусов. Они исходили из положения, что белорусы были прямыми потомками кривичей, которые будто бы составляли самостоятельную славянскую народность¹⁸. Каких-либо фактических данных, подтверждающих эту гипотезу, исследователи не приводили, да их просто и нет.

Весьма интересные положения по рассматриваемой проблематике были выдвинуты в 30—40-х годах XX в. Б. М. Ляпуновым¹⁹. Монолитного общеславянского языка, не знавшего диалектов, по его мнению, никогда не существовало. Уже в эпоху праславянского языка имелись заметные диалектные расхождения. Однако общерусский (восточнославянский) язык не имел в своей основе единого праславянского диалекта, а образовался из нескольких древних праславянских диалектов, носители которых расселились в восточной части славянского мира.

Называя восточнославянские фонетические и морфологические черты, выделявшие общерусский язык из остальных славянских языков, Б. М. Ляпунов полагал, что на общерусской территории было множество диалектов, а не три или два, как считали А. А. Шахматов и Т. Лер-Сплавинский. Исследователь допускал существование в доисторический период говоров полян, древлян, бужан и других племенных образований восточного славянства, зафиксированных летописью. Он считал, что Ростово-Суздальская земля была заселена особым древнерусским племенем, имя которого до нас не дошло. Общерусский язык, по Б. М. Ляпунову, функционировал в эпоху Киевской Руси, то есть в X—XII вв. Примерно с XII в. начинают формироваться особенности, которые впоследствии составили специфику русского и украинского языков.

К концу 40-х годов XX в. относятся широкие исследования древнерусского языка и его диалектов Р. И. Аванесова²⁰. Концепция А. А. Шахматова о дифференциации единого русского этноса к IX в. на три наречия подверглась этим языковедом критике и была отвергнута как «антиисторическая». Р. И. Аванесов не сомневался, что восточные славяне некогда составляли языковую общность и выделились из общеславянского массива. Образованию древнерусской народности эпохи Киевской Руси, согласно представлениям этого исследователя, будто бы предшествовала восточнославянская языковая общность. В период племенного строя эта общность включала множество диалектов, которые были неустойчивыми, и их изоглоссы постоянно изменялись. В IX—XI вв. в условиях становления феодализма возрастает оседлость населения, его устойчивость в территориальном отношении. В результате формируется единый и монолитный по происхождению язык древнерусской народности, который, впрочем, в разных регионах получал неодинаковую местную окраску. Так формируются территориальные диалекты, которые разрушили старые племенные. Новые областные диалектные образования были более устойчивыми, они тяготели к крупным городским центрам. Древние племенные изоглоссы при этом оказались почти полностью стертymi, что, как полагал Р. И. Аванесов, делает спорными суждения о диалектном членении восточного славянства доисторической поры. Можно говорить только о некоторых диалектных особенностях, разделявших восточнославянский ареал на северную и южную зоны, а также о явлениях узкорегionalного характера (новгородские говоры, псковские говоры, восточнокривичские говоры Ростово-Суздальской земли).

В XII в. в связи с упадком Древнерусского государства, писал Р. И. Аванесов, усиливаются областные тенденции, положившие начало формированию языковых особенностей, которые впоследствии стали характерными чертами трех восточнославянских языков. Окончательное сложение последних произошло несколькими столетиями позже.

В 50-х годах Б. А. Рыбаков впервые привлек к изучению рассматриваемой проблематики данные археологи. Он предложил гипотезу о среднеднепровском начале древнерусской народности. Ядром ее, согласно представлениям исследователя, был племенной союз, образовавшийся в VI—VII вв. в Среднем Поднепровье (от бассейнов Роси и Тясмина на правобережье и нижние течения Сулы, Псла и Ворсклы, а также бассейн Трубежа на левобережье, то есть части будущих Киевской, Черниговской и Переяславской земель) под главенством одного из славянских племен — русов. Ареал последних определялся по вещевымкладам VI—VII вв. со специфическими металлическими украшениями.

Эта территория в летописных записях, относящихся к XI—XII вв., обычно именовалась Русской землей «в узком значении этого термина». В последней четверти I тыс. н. э., утверждал Б. А. Рыбаков, к генезису восточнославянского этноса подключились и другие славянские племена Восточной Европы, а также часть славянизированных финских племен²¹. Однако как конкретно происходил процесс становления древнерусской народности, исследователь не рассматривал, и полагаю, сделать это на материалах археологии было невозможно.

Период Древнерусского государства со столицей в Киеве, утверждал Б. А. Рыбаков, был временем расцвета восточнославянской народности. Её единство несмотря на возникновение нескольких княжеств сохранялось и в эпоху феодального дробления Руси XII—XIII вв. Это единство осознавалось самим восточнославянским населением, что находило отражение в географическом понимании — вся Русская земля (в широком смысле) вплоть до XIV в. противопоставлялась обособленным вотчинам, с враждовавшими между собой князьями.

Можно отметить, что попытки историков включиться в изучение процесса формирования древнерусской народности не дали желаемых результатов. Исторических фактов было слишком мало для освещения этой сложной проблемы. В середине XX в. в исторических трудах преобладала мысль о том, что восточными славянами в VI—VII вв. были анты. Так, например, считал Ю. В. Готье²². В. И. Довженок писал, что антский язык мало отличался от древнерусского. Последний будто бы представлял собой тот же язык, что и антский, но на более высоком уровне развития. Основой консолидации восточных славян в древнерусскую народность был, по мнению В. И. Довженка, быстрый темп социально-экономического развития населения Восточно-Европейской равнины, но главным по пути окончательного оформления народности стало этническое развитие в период Киевской Руси. Разъединение единого древнерусского народа на отдельные части, приведшие к становлению трех этносов — русского, белорусского и украинского, — следует искать в исторической обстановке XIII—XIV вв.²³

А. И. Козаченко также рассматривал антов как первую народность восточных славян, сложившуюся на заре классового общества. Расцвет

древнерусской народности определялся этим исследователем периодами Киевской Руси и феодальной раздробленности (до середины XIII в.). Ее консолидация определялась как внешней опасностью, так и требованием национального единства в условиях сильной княжеской власти²⁴.

Мысль об антах как ранних восточных славянах не была новой. Она восходит к ученым трудам первой половины XIX в. Так, уже К. Цейс утверждал, что членение славянского этноса VI—VII вв. на с(к)лвенен и антов соответствует дифференциации славянского языка на западную и восточную ветви²⁵. Антов отождествляли с восточными славянами многие ученые, в том числе Л. Нидерле²⁶, а среди лингвистов, как отмечалось выше, А. А. Шахматов и некоторые исследователи 50—60-х годов XX в.²⁷

Проблема образования древнерусской народности интересовала также А. Н. Насонова²⁸. Согласно представлениям этого историка, начальный этап этнической консолидации восточных славян связан с раннегосударственным образованием «Русская земля», сложившимся в конце VIII — начале IX в. в Среднем Поднепровье с центром в Киеве. Его территориальной и этнографической основой стали земли полян, древлян и северян. В конце IX—X в. Древнерусское государство распространилось на весь ареал восточнославянских племен, объединив в единый этноязыковой массив две их ветви — северную и южную.

Л. В. Черепнин связывал процесс складывания древнерусской народности с изменениями в социально-экономической жизни, будто бы имевшими место в VI—IX вв., которые способствовали сближению и слиянию разноплеменного славянского населения Восточной Европы. Существенное значение этот историк придавал и формированию Древнерусского государства, протекавшему параллельно со сложением народности. Однако решающую роль в этом сыграли общность языка, территории, культуры и хозяйственной жизни, а также борьба с внешними врагами. Период X—XII вв. Л. В. Черепнин определял как время слияния восточнославянских племен в «единый русский народ».

В XII—XIII вв., утверждал далее исследователь, создаются предпосылки для членения древнерусской народности, в результате усиления которых и политического дробления территории восточного славянства, вызванного татаро-монгольским завоеванием, формируются русская, украинская и белорусская народности²⁹.

С исторической точки зрения процесс формирования древнерусской народности пытался показать и В. В. Мавродин³⁰. Он утверждал, что основой древнерусского языка стал киевский диалект — своеобразный сплав говоров населения Киева, довольно пестрого в этническом и социальном отношениях. В пестроте киевских говоров и складывается языковое единство, которое стало ядром языка Киевской Руси в целом. Общность политической и государственной жизни всех восточных славян, по мнению В. В. Мавродина, способствовала сплочению славянского населения Восточной Европы в единую древнерусскую народность.

Первоначально этот исследователь полагал, что процесс формирования народности в эпоху Древней Руси не завершился и наступившая феодальная раздробленность предопределила ее членение и появление новых этноязыковых образований. Позднее В. В. Мавродин стал утверждать, что дифференциация древнерусской народности обусловлена не незаконченностью процесса ее складывания, не феодальной раздробленностью Древней Руси, а историческими условиями, сложившимися на Руси после Батыева нашествия — территориальным членением ее, захватом многих русских земель соседними государствами.

В настоящее время все эти построения историков представляют чисто историографический интерес.

На наличие существенных элементов общности материальной и духовной культуры и быта русского, украинского и белорусского народов, восходящих к единой древнерусской народности, обращали внимание и этнографы. К общим восточнославянским элементам, свойственным трем восточнославянским народам, этнографы обычно относят «трехкамерный» план жилых построек, отсутствие у них фундамента, наличие в избах духовой печи, неподвижных лавок вдоль стен; близкие между собой типы народной одежды (женские и мужские рубахи, мужские кафтаны, женские головные уборы); свадебные, родильные и погребальные обряды; сходство в орудиях и процессах прядильного и ткацкого ремесел; сельскохозяйственную обрядность и близость пахотных орудий. Безусловную историческую общность выявляют устное творчество (былинный эпос и песни) русского, украинского и белорусского народов, а также изобразительное искусство — вышивки и деревянные резные изделия³¹.

Оригинальная гипотеза о предпосылках формирования древнерусской народности предложена П. Н. Третьяковым. Согласно его представлениям, восточнославянская этноязыковая общность была результатом метисации части праславян — носителей зарубинецкой культуры, расселившихся в первых веках нашей эры по всему Верхнему Поднепровью, с местным балтским населением. Верхнеднепровский регион, как полагал исследователь, и стал прародиной восточных славян. «При последующем расселении восточных славян, завершившемся созданием этнографической картины, известной по Повести временных лет, из Верхнего Поднепровья в северном, северо-восточном и южном направлениях, в частности в поречье среднего Днепра, двигались отнюдь не «чистые» славяне, а население, имевшее в своем составе ассимилированные восточнобалтийские группировки»³². При этом П. Н. Третьяков в основном рассматривал зарубинецкие древности, получившие распространение во II в. до н. э. — II в. н. э. преимущественно в Среднем Поднепровье и Припятском Полесье, а также позднезарубинецкие и постзарубинецкие древности Поднепровья. Другие, более существенные процессы славянского освоения Восточно-Европейской равнины, а следовательно, и имев-

шие место сложные этногенетические ситуации остались вне поля зрения исследователя.

Построения П. Н. Третьякова о формировании древнерусской народности в условиях славяно-балтского внутрорегионального взаимодействия в Верхнем Поднепровье не находят подтверждения ни в археологических, ни в языковых материалах. Восточнославянский язык не обнаруживает каких-либо общих балтских субстратных элементов. То, что объединяло в древнерусский период всех восточных славян в языковом отношении и в то же время отделяло от других славянских этнообразований того времени, не может рассматриваться как продукт балтского воздействия³³.

Мысль о зарождении восточнославянской языковой общности в ареале зарубинецкой культуры высказывал и лингвист Ф. П. Филин, впрочем не предпринимая каких-либо попыток как-то подкрепить этот тезис языковыми материалами³⁴. Однако это не главное в его важных чисто языковедческих штудиях³⁵. Исследователь утверждал, что примерно в VII в. н. э. славяне, заселившие земли восточнее Карпат и Западного Буга, обособливаются от остального славянского мира, что привело к возникновению целого ряда языковых инноваций, которые составили специфику древнерусского языка на первом этапе его развития. В трудах Ф. П. Филина все фонетические явления, свойственные восточнославянской языковой общности, и ее особое лексическое развитие получили обстоятельную характеристику.

Диалектная структура древнерусского языка представлялась Ф. П. Филину непростой, сложившейся на основе как унаследованных восточными славянами диалектных зон праславянской эпохи, так и региональных инноваций, возникших уже в процессе развития восточнославянского языка. В период становления Древнерусского государства, утверждал исследователь, не было еще и зачатков будущих русского, украинского и белорусского языков. Существовал единый древнерусский язык, имевший в разных местностях диалектные особенности.

В работе 1940 г. Ф. П. Филин некоторое внимание уделил киевскому диалекту, который, по его мнению, выдвигался как язык общевосточнославянский, то есть древнерусский³⁶. Однако в последующих исследованиях он уже не утверждал этого.

Дробление Киевской Руси на множество феодальных княжеств, согласно Ф. П. Филину, привело к возрастанию диалектных различий. Говоры древнерусских земель теперь вступали в центроостремительное развитие. Поворотным моментом стали исторические события XIII в. Татаро-монгольское нашествие и литовские завоевания, разделившие на длительное время восточнославянский ареал, не могли не сказаться на истории языка. Возникали региональные диалектизмы в фонетической системе, развивались явления, ставшие специфическими для отдельных восточнославянских языков. В XIV—XV вв., как полагал Ф. П. Филин,

можно говорить о начальном этапе становления русского, украинского и белорусского языков, поскольку в это время получили распространение особенности, характерные для них.

Несколько неотчетливо изложен процесс становления древнерусского языка украинским лингвистом Г. П. Пивтораком³⁷. С одной стороны, ссылаясь на труды археологов он пишет о двух направлениях славянского освоения Восточно-Европейской равнины: 1) из Среднего Поднепровья продвигаясь по Днепру и Десне, славяне заселили верхнеднепровские земли, Волго-Окское междуречье и верховья Немана; 2) из венетского ареала в Южной Балтике, морским или сухопутным путем, другая группа славян расселилась в лесной зоне, где летописями и археологией фиксируются кривичи и словене новгородские. Восточнославянский этнос, как полагает исследователь, формировался постепенно в ходе расселения славянских племен на Русской равнине. Первоначальным ядром расселения древнерусской народности с первой половины I тыс. н. э. были земли между верхним течением Западного Буга и средним Днепром. Единство древнерусского языка, согласно Г. П. Пивтораку, в эпоху Киевской Руси и феодальной раздробленности постоянно подкреплялось различными экстралингвистическими факторами.

О. Н. Трубачев видит древний очаг общевосточнославянской языковой общности на Дону и Северском Донце³⁸. Эти гипотетические построения не представляются достаточно проработанными. Возникает целый ряд историко-филологических вопросов, ответы на которые современная славистика не может дать.

К проблеме древнерусской народности обращался в последние десятилетия также киевский археолог и историк П. П. Толочко³⁹. Его построения покоятся на интерпретации отдельных мест письменных памятников с некоторыми отсылками к материалам археологии и сводятся к следующему. Уже в VI—VIII вв. восточные славяне представляли собой единый этнокультурный массив, состоящий из полутора десятка родственных племенных образований. Период IX—X вв. характеризуется внутренними миграциями, способствовавшими интеграции восточнославянских племен. Процесс получил заметное ускорение с конца IX — первых десятилетий X в., когда образовалось Древнерусское государство со столицей в Киеве и этноним *русь* утвердился для всех восточных славян.

В течение IX—XII вв. в пределах государственной территории Киевской Руси существовала единая восточнославянская этническая общность. Ее ядром, согласно П. П. Толочко, была Русь, или Русская земля «в узком значении», или, по терминологии иностранных источников, «Внутренняя Русь», то есть территория, которая в позднем средневековье получила название Малая Русь.

Мысль о формировании древнерусского языка на основе прарусского диалектного образования, следы которого выявить в лингвисти-

ческих материалах не удается, вынуждает исследователей искать иные пути решения вопроса о становлении общевосточнославянского этноязыкового единства, существование которого в первых столетиях II тыс. н. э. не подлежит сомнению. Выше была изложена концепция Б. М. Ляпунова о сложении древнерусского языка на основе нескольких праславянских диалектных групп. К такому выводу подводят и современные археологические свидетельства славянского освоения Восточно-Европейской равнины. Вопрос о формировании древнерусской народности на материалах археологии тезисно рассматривался в ряде моих публикаций, в которых показано, что сложение этого этноязыкового единства было обусловлено нивелировкой и интеграцией славянских племенных образований, заселявших Восточно-Европейскую равнину, в условиях единого историко-культурного пространства, образовавшегося на территории Древнерусского государства⁴⁰. Подробнее об этом речь пойдет в настоящем исследовании.

В 70—80-е годы подобной точки зрения придерживался также лингвист Г. А. Хабургаев⁴¹. Он утверждал, что особого праславянского диалекта или прарусского языка никогда не существовало. Восточнославянское этноязыковое единство оформилось на базе распространения славянской речи в Восточной Европе гетерогенным образом из неоднородных по своему происхождению компонентов. Накануне образования Древнерусского государства, по мнению Г. А. Хабургаева, происходил процесс, активно разрушавший прежние родоплеменные устои. Политическое объединение разных славянских племен привело к оформлению своеобразной диалектно-этнографической восточнославянской общности. Археологические памятники X—XII вв. на территории Древней Руси, утверждает этот исследователь, свидетельствуют о заметном сближении всех основных культурно-этнографических элементов, о процессе консолидации населения в единую народность.

Небольшая дискуссия относительно сути древнерусской народности имела место на VI Международном конгрессе славянской археологии, проходившем в Новгороде в августе 1996 г. Белорусский археолог Г. В. Штыхов, оперируя выборочными историко-археологическими данными, утверждал, что древнерусская народность в эпоху Киевской Руси еще не сформировалась окончательно и распалась в связи с дроблением Древнерусского государства на множество княжеств. Языковых материалов, характеризующих восточнославянскую общность, исследователь не касался вовсе и заключал, что «процесс возникновения родственных восточнославянских народов — белорусского, украинского и русского (великорусского) — можно последовательно излагать без употребления этого спорного понятия» (то есть древнерусской народности)⁴². По-видимому, Г. В. Штыхова не смущает то, что эта мысль приходит в противоречие с достижениями языкознания. Исследователь далее отмечает, что славянское население Древней Руси говорило на различных диалектах.